

**Стенограммы допросов по
делу об убийстве Императора
Николая II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С79

С79 Стенограммы допросов по делу об убийстве Императора Николая II / – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 74 с.

ISBN 978-5-517-88877-8

Стенограммы допросов свидетелей и обвиняемых по делу об убийстве
Императора Николая II. Репринтное издание по технологии print-on-demand
с оригинала 1923 года.

ISBN 978-5-517-88877-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Заплакалъ Лазаревъ и въ тотъ моментъ, когда знамя своднаго полка, стоявшее въ приѣмной комнатѣ, выносилось. Спусти нѣсколько дней (не помню числа), мнѣ было передано по телефону, что приѣзжаетъ государь императоръ. Я отправился на вокзалъ. Когда подошелъ поѣздъ, государь вышелъ изъ вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошелъ по перрону и сѣлъ въ автомобиль. Съ нимъ были гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгорукій. вмѣстѣ съ Долгорукимъ государь и сѣлъ въ автомобиль. Ко мнѣ же на перронѣ подошли двое штатскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ членъ Государственной Думы Вершининъ, и сказали мнѣ, что ихъ миссія окончена: государя они передали мнѣ.

Я не могу забыть одного явленія, которое я при этомъ наблюдалъ въ то время. Въ поѣздѣ съ государемъ ѣхало много лицъ. Когда государь вышелъ изъ вагона, эти лица посыпались на перронъ и стали быстро-быстро разбѣгаться въ разныя стороны, озираясь по сторонамъ, видимо, проникнутыя чувствомъ страха, что ихъ узнаютъ. Сцена эта была весьма некрасива.

Я отправился во дворецъ вслѣдъ за государемъ. Государь тутъ же поднялся наверхъ къ больнымъ дѣтямъ.

Вскорѣ привезли съ вокзала вещи государя.

Жизнь царско-сельскаго періода, какъ она была регламентирована инструкціей, вполне соответствовала тому положенію, какое и должно было быть у семьи. Инструкція ограничивала свободу сношеній августѣйшей семьи съ внѣшнимъ міромъ и вносила, конечно, нѣкоторыя ограниченія во внутреннюю жизнь; корреспонденція проходила черезъ руки коменданта дворца. Изъ дворца можно было выходить только въ паркъ. Дворецъ и паркъ былъ всегда оцѣпленъ карауломъ. Гулять можно было съ утра до наступленія темноты.

Больше никакихъ ограниченій не существовало. Во внутреннюю жизнь семьи, кромѣ вышеуказаннаго ограниченія времени выхода изъ дворца, правительство не вмѣшивалось.

Въ первые дни царско-сельскаго періода дѣти болѣли всѣ корью, а у Маріи Николаевны и, кажется, еще у Ольги Николаевны, кромѣ того, было еще воспаление легкихъ. Но потомъ они поправились.

Обычный порядокъ дня былъ таковъ. Вставала семья рано, кромѣ государыни. И она просыпалась рано, но она долго лежала въ постели. Государь утромъ въ 8 часовъ выходилъ гулять, пожалуй, всегда съ Долгорукимъ. Гулялъ онъ часъ-полтора, обязательно занимаясь въ это время физическимъ трудомъ. Въ часъ дня семья завтракала. Послѣ завтрака до 3 часовъ семья выходила и работала на воздухѣ въ саду, огородѣ. Послѣ этого дѣти занимались. Въ 4 часа былъ чай. Послѣ чая семья иногда выходила на воздухъ, иногда нѣтъ. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ.

За время этого царско-сельскаго періода я могу отмѣтить слѣдующіе, имѣвшіе мѣсто, факты.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней заключенія семьи произошло инцидентъ съ трупомъ Распутина. Прахъ его на-

ходился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ строилась церковь и онъ былъ похороненъ въ одномъ изъ предѣловъ. Солдаты узнали объ этомъ, разрыли его могилу, сдвинули крышку гроба и осматривали трупъ. Въ его гробу была икона, на которой были подписи: «Александра, Ольга, Татьяна, Марія, Анастасія, Аня». Эта икона лежала около его правой щеки. Обо всемъ случившемся узналъ командиръ зенитной батареи, какой-то капитанъ, и отобралъ эту икону. Я ее видѣлъ самъ. На иконѣ было изображеніе, кажется, Божіей Матери. О случившемся я сообщилъ по телефону въ штабъ округа. Мнѣ было приказано отвезти трупъ Распутина на вокзалъ, доставить его на станцію Средняя Рогатка и тамъ закопать его. Приказано было сдѣлать это въ секретѣ. Выполнить это, конечно, было невозможно, такъ какъ и солдаты и народъ все равно узнали бы объ этомъ. Тогда мнѣ было приказано доставить трупъ на Царско-Сельскій вокзалъ, что мною и было сдѣлано. Я отвезъ трупъ туда и помѣстилъ его въ товарномъ вагонѣ, а въ сосѣдномъ вагонѣ помѣстилъ солдатъ, не говоря имъ, что они охраняють.

На слѣдующій день ко мнѣ обратился какой-то комиссаръ Купчинскій (въ его вѣдѣніе, между прочимъ, входило завѣдываніе автомобилями), и предъявилъ мнѣ бумагу, подписанную предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, съ приказаніемъ выдать Купчинскому трупъ Распутина (въ скобкахъ значилось: «Новыхъ»), чтобы Купчинскій могъ въ одномъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи грузовыхъ автомобилей доставить трупъ, куда слѣдовало. Сдѣлать этого въ Царскомъ было абсолютно нельзя. Вагонъ мы передвинули на станцію Павловскъ II. Тамъ мы нашли старый ящикъ изъ-подъ гроба, положили въ него гробъ съ трупомъ Распутина, прикрыли ящикъ рогожами и старыми мѣшками, и Купчинскій повезъ его. Онъ былъ долженъ доставить трупъ въ Петроградъ. Но толпа дорогой узнала объ этомъ и отняла трупъ. Купчинскому пришлось тутъ же сжечь трупъ.

Другой случай, нарушившій мирное теченіе жизни, былъ такой. Явился ко мнѣ какой-то неизвѣстный и, назвавшись Масловскимъ, предъявилъ мнѣ требованіе Петроградскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Человѣкъ, называвшій себя Масловскимъ, былъ одѣтъ въ форму полковника. Наружности его я не помню. Въ требованіи говорилось, что я долженъ оказать всѣческое содѣйствіе въ выполненіи возложеннаго на него порученія. Требованіе исполнительнаго комитета было подписано, хорошо это помню, членомъ Государственной Думы Чхеидзе; оно имѣло надлежащую печать. Называвшій себя Масловскимъ заявилъ мнѣ, что, по порученію исполнительнаго комитета, онъ долженъ сейчасъ же взять государя и доставить его въ Петропавловскую крѣпость. Я категорически заявилъ Масловскому, что допустить этого не могу. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «ну, полковникъ, знайте, что кровь, которая сейчасъ прольется, падеть на вашу голову». — «Ну, что же дѣлать? Падеть, такъ падеть, исполнить не могу.» Онъ ушелъ. Я

думалъ, что онъ совсѣмъ ушелъ. Но онъ, оказывается, все-таки отправился во дворецъ. Тамъ его встрѣтилъ командиръ перваго полка капитанъ Аксюта. Онъ показалъ ему требованіе и заявилъ, что желаетъ видѣть государя. Осмотрѣвъ его карманы, Аксюта показалъ ему государя такъ, что онъ государя видѣлъ, но государь его — нѣтъ. Объ этомъ я тогда же сообщилъ въ штабъ. Мои дѣйствія были одобрены.

Коцебу недолго пробылъ комендантомъ дворца: недѣли, приблизительно, двѣ. Уволенъ онъ былъ вотъ по какому поводу. Во дворцѣ проживала фрейлипа Вырубова и вмѣстѣ съ ней какая-то Денъ, носившая форму сестры милосердія. Черезъ лакеевъ солдаты узнали, что Коцебу по долгу засиживается у Вырубовой, разговаривая съ ней по-англійски. Когда вѣсти объ этомъ дошли до меня, я ихъ провѣрилъ. Лакей (фамиліи его не помню), вынесшій эти слухи солдатамъ, подтвердилъ мнѣ самый фактъ позднихъ засиживаній Коцебу у Вырубовой. Боясь эксцессовъ со стороны солдатъ, я доложилъ объ этомъ Корнилову. Тотъ вызвалъ къ себѣ Коцебу и затѣмъ приказалъ мнѣ больше его во дворцѣ не впускать, а самому временно нести его обязанности.

Не болѣе недѣли я несъ обязанности коменданта дворца. Вмѣсто Коцебу былъ назначенъ Павелъ Александровичъ Коровиченко, — полковникъ одного изъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи. Коровиченко кончилъ Военно-Юридическую Академію, прослужилъ послѣ этого извѣстное время на военной службѣ и вышелъ въ отставку, занявшись адвокатурой. Въ войну онъ былъ призванъ. У него были личныя отношенія съ Керенскимъ, смѣнившимъ тогда князя Львова, и съ министромъ юстиціи Переверзевымъ, смѣнившимъ Керенскаго на посту министра юстиціи.

Керенскій пріѣзжалъ въ Царское нѣсколько разъ. Въ первый разъ, какъ помнится мнѣ, онъ пріѣзжалъ уже при Коровиченко. Про его отношеніе къ государю, обращеніе съ нимъ я самъ лично ничего не могу сказать, потому что свидѣтелемъ ихъ свиданій ни разу не былъ. Не могу объ этомъ ничего рассказать и со словъ Коровиченко. Насколько помню, Теглева мнѣ говорила, что обращеніе Керенскаго съ государемъ было всегда очень вѣжливое. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Керенскаго была арестована Вырубова.

Это происходило при мнѣ. Вмѣстѣ съ Коровиченко мы вошли въ ея комнату, гдѣ у нея была и Денъ. Коровиченко объяснилъ ей, что она должна быть доставлена въ Петроградъ. Вырубова одѣлась и попросила позволенія проститься съ государыней. Разрѣшеніе ей было дано. При этомъ прощаніи присутствовали мы оба съ Коровиченко находясь въ отдаленіи. Онъ разговаривали по-англійски и плакали. Вмѣстѣ съ ней была увезена и Денъ.

При одномъ изъ свиданій Керенскаго съ государемъ присутствовалъ Коровиченко. Керенскій заявилъ государю въ этотъ разъ, что онъ долженъ произвести выемку въ его бумагахъ и уполномочиваетъ на это Коровиченко. Приказанію

при этомъ было присутствовать и мнѣ. Я помню эту сцену. Вышло тогда не совсѣмъ хорошо. Бумаги государя находились въ особомъ ящикѣ очень большихъ размѣровъ. При мнѣ и Коровиченко ящикъ былъ открытъ. Бумагъ было очень много; всѣ онѣ были разложены по отдѣльнымъ группамъ въ порядкѣ. Указывая на бумаги и на группы, по которымъ онѣ были тамъ уложены, государь взялъ одно письмо, лежавшее въ ящикѣ со словами «это письмо частнаго характера». Онъ вовсе не хотѣлъ изъять это письмо отъ выемки, а просто взялъ его, какъ отдѣльно лежащее и хотѣлъ его бросить въ ящикъ. Но Коровиченко порывисто ухватился за письмо и получилась такая вещь: государь беретъ письмо къ себѣ, Коровиченко — къ себѣ. Тогда государь, какъ это замѣтно было, разсердился, махнулъ рукой и со словами: «ну, въ такомъ случаѣ я не нуженъ. Я иду гулять», онъ ушелъ. Коровиченко отобралъ бумаги, какія считалъ нужнымъ отобрать, и доставилъ ихъ Керенскому. Въ послѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что Керенскій и Перверзевъ полагали найти въ бумагахъ государя документы, которые бы могли скомпрометировать его и государыню въ смыслѣ измѣны родинѣ въ пользу нѣмцевъ, о чемъ тогда кричали газеты, и не нашли ничего. Попалась тогда одна шифрованная телеграмма, надъ которой они бились, и въ концѣ концовъ прочли ее. Телеграмма эта исходила отъ государя и была адресована государынѣ. Онъ писалъ ей: «цѣлую крѣпко, здоровъ». Семья не очень любила его, хотя я по совѣсти долженъ засвидѣтельствовать, что Коровиченко въ общемъ хорошо самъ относился къ семьѣ и дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить ея положеніе. Онъ, напримѣръ, выхлопоталъ позволеніе имъ работать въ огородѣ, кататься въ лодкахъ. Наиболѣе порядочное отношеніе было со стороны нѣкоторыхъ изъ солдатъ и офицерскаго состава перваго полка.

Одинъ изъ офицеровъ напился какъ-то пьяный. Когда подошла Пасха, по установившемуся уже издавна обычаю, дежурному офицеру выдавалось на день по полбутылкѣ столоваго вина. Такъ было и на этотъ разъ. Узнавъ объ этомъ, солдаты подняли цѣлую исторію. Пришлось тогда же вылить 50 бутылокъ водки.

Какъ-то они обвиняли прапорщика Зеленай въ томъ, что онъ поцѣловалъ у государыни руку.

Изъ-за этого вина и изъ-за послѣдняго случая возникло тогда цѣлое «дѣло» и производилось цѣлое разслѣдованіе.

Распускаясь все болѣе и болѣе, совсѣмъ уже одурманенные лживымъ пониманіемъ «свободы», солдаты стали выдумывать всякія небылицы. Недостойно велъ себя, преимущественно, второй полкъ, причѣмъ отличались не одни солдаты, но и офицеры. Однажды къ-то изъ офицеровъ втораго полка мнѣ было заявлено: «мы ихъ должны сами видѣть. А то они арестованы, а мы ихъ не видимъ.» Очевидно, желаніе причинить напрасныя моральныя муки, можетъ быть, даже просто «мѣщанское» любопытство видѣть

августѣйшую семью прикрывалось, якобы, опасностью, что семья бѣжить. Напрасно я уговаривалъ не дѣлать этого, такъ какъ отъ больныхъ дѣтей никуда не убѣгутъ родители. Опасаясь, что, въ концѣ концовъ, все это можетъ случиться и помимо меня, я обратился за разъясненіями къ генералу Половцеву, смѣнившему тогда Корнилова. Было рѣшено сдѣлать такимъ образомъ: когда придетъ новый караульный офицеръ для смѣны кончившаго карауль, они оба будутъ у государя въ присутствіи государыни, причѣмъ смѣнявшійся съ караула будетъ прощаться, а новый здороваться. Чтобы выходило это менѣе всего тягостно, рѣшено было всю эту процедуру продѣлывать передъ завтракомъ, когда обыкновенно семья сходилась вмѣстѣ. Такъ и дѣлалось. Но вотъ однажды, когда второй полкъ смѣнялъ первый, и оба офицера отправились къ государю, государь простился съ уходившимъ съ караула офицеромъ перваго полка, подавъ ему руку. Когда же онъ протянулъ руку караульному офицеру втораго полка, тотъ отступилъ шагъ назадъ и не принялъ руки государя. Его рука повисла въ воздухѣ. Чрезвычайно страдая, вѣроятно, отъ скорби, государь подошелъ къ этому офицеру взять его за плечи обѣими руками и со слезами на глазахъ, сказалъ ему: «голубчикъ, за что же?» Снова отступивъ шагъ назадъ, этотъ господинъ сказалъ государю: «я изъ народа. Когда народъ вамъ протягивалъ руку, вы не приняли ея. Теперь я не подамъ вамъ руки.» Объ этомъ я передаю вамъ со словъ офицера перваго полка, бывшаго очевидцемъ всей этой возмутительной исторіи. Разложеніе, по мѣрѣ углубленія революціи, шло все далѣе и далѣе. Солдаты не знали, къ чему придаться и изыскивали, подъ разными серьезными предлогами, разные поводы причинить какую-либо непріятность царской семьѣ. Однажды они увидѣли въ рукахъ Алексѣя Николаевича маленькое ружье. То была винтовка-модель, сдѣланная спеціально для него на какомъ-то русскомъ заводѣ. Она была совершенно безопасна, такъ какъ изъ нея можно было бы стрѣлять только особыми патронами, которыхъ не было. Сейчасъ же они потребовали отобранія винтовки. Это были солдаты все того же втораго полка; офицеръ (не помню его фамиліи) тщетно доказывалъ имъ нелѣпость ихъ требованій, но, чтобы избѣжать насилія, котораго исполнѣе возможно было ожидать отъ нихъ, онъ взялъ у Алексѣя Николаевича ружье. Когда я пришелъ послѣ этого во дворецъ, Жильяръ и Теглева рассказали мнѣ объ этомъ инцидентѣ и сообщили, что Алексѣй Николаевичъ «плачетъ». Тогда я взялъ къ себѣ винтовку и по частямъ перенесъ ее ему.

Въ концѣ концовъ солдаты, а черезъ нихъ и мѣстный Царско-Сельскій совѣтъ окончательно перестали мнѣ довѣрять и назначили выбраннаго ими мнѣ въ помощники прапорщика армянина Домодзянца. Это былъ грубый чело-вѣкъ. Онъ всячески домогался какъ-нибудь втиснуться во дворецъ, куда я его упорно не допускалъ. Тогда онъ сталъ постоянно торчать въ паркѣ въ то именно время, когда

семья выходила на прогулку. Однажды, когда государь, проходя мимо него, протянул ему руку, он не принял руки государя и заявил ему, что он не может по должности помощника коменданта подавать руку государю.

Поставленный въ известность объ этомъ происшествіи Керенскій какъ-то прибылъ въ Царское и пригласилъ къ себѣ предсѣдателя мѣстнаго совѣда (не по поводу этого инцидента, а по какому-то другому поводу). Послѣдній въ разговорѣ сказалъ Керенскому: «позвольте вамъ доложить, г. министръ, что мы выбрали въ помощники коменданта прапорщика Домодзянца». Керенскій отвѣтилъ: «да, я знаю. Но неужели же вы не могли выбрать другое лицо, а не такого?» Но осталось такъ, какъ и было: власти не было и у самого Керенскаго.

Вотъ этотъ-то Домодзянецъ и научилъ солдатъ не отвѣчать государю на его привѣтствіе, съ которымъ онъ обыкновенно обращался къ солдатамъ. Тѣ, конечно, и подѣлали подобную вещь. Это, конечно, были солдаты второго полка. Пришлось мнѣ просить государя не здороваться съ солдатами, такъ какъ, по тѣмъ временамъ, ничего нельзя было подѣлать съ ними, и государь пересталъ привѣтствовать солдатъ.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что не надлежащее отношеніе къ августѣйшей семьѣ наблюдалось и не у однихъ солдатъ.

Люди трусили обнаружить свои отношенія къ царской семьѣ. Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово. Она часто приходила ко мнѣ и просила передать письма Ольгѣ Николаевнѣ. Свои письма она всегда такъ и подписывала: «Маргарита Хитрово». Такъ же полно подписывалась въ письмахъ, которыя мнѣ приносила Хитрово, еще Ольга Колзакова. Но были еще письма, которыя авторами ихъ подписывались: «Лили» (День), «Тити» (Вельчковская). Я какъ-то сказалъ Хитрово: «вотъ вы прямо и открыто подписываетесь своимъ именемъ. Такъ же подписывается и Ольга Колзакова. А другія скрываютъ свои имена. Это неудобно. Представьте себѣ, какимъ-либо образомъ переписка попадетъ въ руки власти и меня спросятъ: «отъ кого эти письма?» Вѣдь мое положеніе станетъ глупымъ. Передайте, пожалуйста, авторамъ этихъ писемъ, чтобы онѣ пришли ко мнѣ. Долженъ же я знать, кто онѣ такія.» Послѣ этого я совсѣмъ пересталъ получать письма отъ «Лили» и «Тити».

Графъ Апраксинъ очень скоро подалъ заявленіе и просилъ его выпустить, такъ какъ-де всѣ дѣла здѣсь, во дворцѣ, онъ кончилъ, а семья у него осталась въ Петроградѣ. По распоряженію министра юстиціи (бумага о разрѣшеніи его просьбы была получена черезъ Корнилова) онъ былъ выпущенъ.

Я рассказалъ все, что могъ припомнить о царско-сельскомъ періодѣ заключенія августѣйшей семьи.

Только еще добавлю, что семья получала всѣ газеты, какія тогда выходили, англійскіе и французскіе журналы; изъ русскихъ газетъ могу назвать: «Русское Слово», «Русская Воля», «Рѣчь», «Новое Время», «Петроградскій Листокъ», «Петроградская Газета».

Теперь перейду къ переводу семьи въ Tobольскъ. Этому предшествовали слѣдующія событія.

Приблизительно за недѣлю до отъѣзда семьи изъ Царскаго къ намъ пріѣхалъ Керенскій; вызвалъ меня, председателя совдепа и председателя военной секціи Царско-Сельскаго гарнизона прапорщика Ефимова (Ефимовъ былъ у насъ въ составѣ второго полка). Керенскій сказалъ намъ слѣдующее: «прежде чѣмъ говорить вамъ что-либо, беру съ васъ слово, что все это останется секретомъ». Мы дали слово. Тогда Керенскій объявилъ намъ, что по постановленію Совѣта Министровъ вся царская семья будетъ перевезена изъ Царскаго; что правительство не считаетъ это секретомъ отъ «демократическихъ организацій, учреждений», что съ царской семьей поѣду я, Кобылинскій. Послѣ этого я ушелъ, и Керенскій велъ какіе-то свои разговоры съ председателемъ совдепа и Ефимовымъ. Приблизительно черезъ часъ я увидѣлъ Керенскаго и спросилъ его, куда же мы поѣдемъ. При этомъ я сказалъ, что нужно же предупредить семью, чтобы она могла уложиться. Керенскій отвѣтилъ мнѣ, что это сдѣлаетъ онъ самъ, и отправился во дворецъ. Тамъ онъ одинъ-на-одинъ разговаривалъ съ государемъ. Мнѣ же на мой вопросъ, куда и когда мы ѣдемъ, Керенскій такъ и не далъ отвѣта.

Послѣ этого перваго раза я видѣлъ Керенскаго раза 2—3 и каждый разъ спрашивалъ его, куда же мы ѣдемъ, какія вещи брать семьѣ. Керенскій не отвѣчалъ на мой вопросъ и сказалъ только: «передайте, что надо побольше брать теплыхъ вещей».

Приблизительно дня за два до отъѣзда Керенскій вызвалъ меня к себѣ и приказалъ мнѣ составить отрядъ изъ перваго, втораго и четвертаго полковъ, которые несли охрану, и назначить офицеровъ въ роты. «Назначеніе» нужно было понимать въ то время въ особомъ смыслѣ. Конечно, «мы» назначать уже не могли, такъ какъ разложеніе арміи зашло слишкомъ далеко. Полковой командиръ не игралъ тогда никакой роли; его власть была въ рукахъ солдатскихъ комитетовъ. Боясь, что въ офицерскій составъ попадетъ элементъ недостойный, я просилъ Керенскаго разрѣшить мнѣ самому выбрать на каждую роту по 5 офицеровъ, а изъ нихъ 2 (это число офицеровъ полагалось на роту) пусть выбираются солдатами. Керенскій съ этимъ согласился. Въ тотъ же день вечеромъ я позвалъ къ себѣ полковыхъ командировъ и председателей полковыхъ комитетовъ. Я сказалъ имъ: «предстоитъ секретная и очень важная командировка; мѣсто и цѣль ея мнѣ неизвѣстна. Пусть каждый полковой командиръ выберетъ роту въ 43 рядовъ при 2 офицерахъ.» При этомъ я передалъ списокъ офи-

церовъ, составленный мною, изъ числа коихъ надлежало сдѣлать выборъ. На эти мои слова командиры полковъ и предсѣдатели полковыхъ комитетовъ перваго и четвертаго полка отвѣтили: «слушаю-сь». Предсѣдатель же полкового комитета второго полка, конечно, солдатъ (фамиліи его не помню), сказалъ мнѣ: «мы уже выбрали. Я знаю, какая предстоитъ командировка.» — «Откуда же вы можете знать, когда я самъ этого не знаю?» — «Мнѣ говорили «люди». Мы уже выбрали прапорщика Деконскаго.» Этотъ самый прапорщикъ Деконскій офицерами былъ изгнанъ изъ состава четвертаго полка; это рѣшеніе офицеровъ подтвердили и солдаты своимъ рѣшеніемъ. Тогда второй полкъ принялъ въ свою среду этого Деконскаго. Уже тогда это былъ несомнѣнный большевикъ. Когда я услышалъ, что именно онъ выбранъ, я сказалъ предсѣдателю комитета, что Деконскій ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «нѣтъ, поѣдетъ». Я принужденъ былъ отправиться къ Керенскому и сказалъ ему категорически, что, если поѣдетъ Деконскій, я не поѣду; что онъ, Керенскій, какъ военный министръ, можетъ предупредить эту возможность. Керенскій пріѣхалъ въ Царское, вызвалъ предсѣдателя комитета и пошли у нихъ пререканія. Керенскій стоитъ на своемъ, предсѣдатель отвѣчаетъ военному министру: «Деконскій поѣдетъ». Разсердившись, Керенскій прикрикнулъ: «я вамъ приказываю». Тотъ подчинился и ушелъ. Но, когда назначенные уже солдаты узнали, что Деконскій не поѣдетъ, они тоже отказывались ѣхать, и, благодаря этому, въ составъ попалъ отъ второго полка наиболѣе дурные элементы. 29 іюля я былъ у Керенскаго. Тамъ же былъ помощникъ комиссара министерства дворца (О. А. Головина) Павелъ Михайловичъ Макаровъ, инженеръ по профессіи. Когда я пришелъ къ Керенскому, я засталъ у него уже Макарова. Изъ ихъ разговора я впервые только и узналъ тогда, что семья переводится въ Тобольскъ. Въ тотъ же день Макаровъ посылалъ распоряженіе инженеру Эртелю, который раньше всегда ѣздилъ съ императрицей Маріей Феодоровной, приготовить составъ поѣзда къ 2 часамъ ночи на 1 августа.

30 іюля семья просила меня принести имъ изъ Знаменской церкви чудотворную икону Знаменія Божіей Матери, чтобы отслужить въ этотъ день напутственный молебенъ и по случаю дня рожденія Алексѣя Николаевича. Помню, что мнѣ въ этотъ день и послѣдующій было очень много хлопотъ, такъ какъ, ввиду настроенія солдатъ, приходилось просьбы, съ какими обращалась царская семья, устранивать самому. Когда дѣло съ иконой было рѣшено и, кажется, былъ уже молебенъ, ко мнѣ прибыли: командующій войсками округа прапорщикъ Кузьминъ, какой-то полковникъ и какой-то штатскій типъ. Подавая мнѣ руку, типъ этотъ сказалъ: «позвольте представиться. Тоже сидѣлъ въ Крестахъ». Помню, какъ сейчасъ, его грязную руку.

Подъ видомъ провѣрки караула Кузьминъ съ полковникомъ пошли къ дворцу и, спрятавшись въ комнатѣ, обращен-

ной дверью въ коридоръ, имѣли терпѣніе цѣлый часъ ждать, когда кончится служба, чтобы посмотрѣть царскую семью, когда она пойдетъ къ себѣ коридоромъ.

Въ этотъ день къ вечеру, послѣ Кузьмина со своей компаніей, ко мнѣ прибылъ Макаровъ и Илья Леонидовичъ Татищевъ. Татищевъ заявилъ мнѣ, что ему предложено государемъ черезъ Керенскаго и Макарова раздѣлить судьбу семьи. Онъ сказалъ тогда же: «меня это удивило: вѣдь я не придворный. Но разъ государь желаетъ этого, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что мой долгъ исполнить волю моего государя.» Долженъ сказать, что Татищевъ былъ приглашенъ государемъ, очевидно, вмѣсто Бенкендорфа. Бенкендорфъ дѣйствительно не могъ ѣхать. Онъ весьма старъ и у него, какъ это мнѣ положительно извѣстно, была дѣйствительно большая старуха-жена. Бенкендорфъ женатъ на княгинѣ Долгорукой, матери Василя Александровича Долгорукова. Такимъ образомъ, вмѣсто отца поѣхалъ пасынокъ. Также непритворно не могла ѣхать и статсъ-дама Нарышкина, больная въ то время крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и глубокая старуха.

Въ этотъ же день была у меня Маргарита Хитрово и закатила мнѣ истерику, обвиняя меня въ томъ, что я «скрываю», что хотяя сдѣлать съ семьей, что ее хотять заточить въ крѣпость и т. п. Въ этотъ же день мнѣ телефонировалъ Керенскій, что въ 12 часовъ ночи на 1 августа онъ будетъ въ Царскомъ и скажетъ отряду прощальное слово.

31 іюля весь день прошелъ у меня въ бѣготнѣ, приготовленіяхъ къ отъѣзду. Память мнѣ не сохранила ничего выдающагося за этотъ день, да ничего особаго, кажется, и не случилось въ этотъ день. Въ 12 часовъ ночи пріѣхалъ Керенскій. Отрядъ былъ готовъ. Поѣхали мы съ нимъ въ первый баталіонъ. Керенскій держалъ къ солдатамъ такую рѣчь: «вы несли охрану царской семьи здѣсь. Вы же должны нести охрану и въ Тобольскѣ, куда переводится царская семья по постановленію Совѣта Министровъ. Помните: лежачаго не бьютъ. Держите себя вѣжливо, а не по-хамски. Довольствіе будетъ выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствіе — натурой. Будете получать суточные деньги.» То же самое Керенскій говорилъ и въ четвертомъ баталіонѣ. Во второй баталіонъ онъ не поѣхалъ. Считаю нужнымъ теперь же отмѣтить, что условія, въ которыя были поставлены солдаты перваго и четвертаго полковъ были иныя, чѣмъ условія, поставленныя для солдатъ втораго полка. Первые были одѣты съ иголки и обмундированіе у нихъ было въ большемъ количествѣ; солдаты втораго полка, вообще-то худшіе по своимъ моральнымъ свойствамъ вслѣдствіе указанныхъ мною причинъ, были въ грязной одеждѣ и обмундированія у нихъ было меньше. Эта разница, какъ я скажу потомъ, имѣла впоследствіи большое значеніе.

Послѣ отсутствія солдатъ Керенскій сказалъ мнѣ: «ну, теперь поѣзжайте за Михаиломъ Александровичемъ. Онъ у Бориса Владимировича.» Я поѣхалъ въ автомобиль. Тамъ

я засталъ Бориса Владимировича, какую-то даму, Михаила Александровича съ супругой и его секретаря англичанина Джонсона. Втроемъ (кромѣ шофера), т. е. Михаилъ Александровичъ, Джонсонъ и я поѣхали въ Александровскій дворецъ. Джонсонъ остался ждать въ автомобилѣ. Михаилъ Александровичъ прошелъ въ приемную комнату, гдѣ были Керенскій и дежурный офицеръ. Втроемъ они прошли въ кабинетъ, гдѣ былъ государь. Я остался въ приемной. Въ это время выбѣжалъ въ приемную Алексѣй Николаевичъ и спросилъ меня: «это дядя Мими пріѣхалъ?» Я сказалъ, что пріѣхалъ онъ. Тогда Алексѣй Николаевичъ попросилъ позволенія спрятаться за дверь: «я хочу его посмотреть, когда онъ будетъ выходить». Онъ спрятался за дверь и въ щель глядѣлъ на Михаила Александровича, смѣясь, какъ ребенокъ, своей затѣй. Свиданіе Михаила Александровича съ государемъ происходило минутъ 10. Затѣмъ онъ уѣхалъ.

Выѣхала семья, приблизительною, часовъ въ 5 утра на вокзалъ и сѣла въ поѣздъ. Поѣздовъ было два. Въ первомъ слѣдовала семья, свита, часть прислуги и рота первого полка. Во второмъ поѣздѣ — остальная прислуга и остальные роты. Багажъ былъ распределенъ въ обоихъ поѣздахъ. Въ первомъ же поѣздѣ ѣхали членъ Государственной Думы Вершининъ, инженеръ Макаровъ и предсѣдатель военной секціи прапорщикъ Ефимовъ, отправленный въ поѣздку по желанію Керенскаго для того, чтобы онъ, по возвращеніи изъ Тобольска, могъ бы доложить совдепу о перевозѣ царской семьи. Размѣщеніе въ поѣздѣ происходило такъ: — въ первомъ вагонѣ международнаго общества, очень удобномъ, ѣхали государь въ отдѣльномъ купѣ, государыня въ отдѣльномъ купѣ, княжны въ отдѣльномъ купѣ, Алексѣй Николаевичъ съ Нагорнымъ въ купѣ, Демидова, Теглева и Эрсбергъ въ купѣ, Чемодуровъ и Волковъ въ купѣ; во второмъ вагонѣ ѣхали: Татищевъ и Долгорукій въ одномъ купѣ, Боткинъ одинъ въ маленькомъ купѣ, Шнейдеръ со своей прислугой Катей и Машей въ одномъ купѣ, Жильяръ въ отдѣльномъ купѣ, Гендрикова со своей прислугой Межанць; въ третьемъ вагонѣ ѣхали: Вершининъ, Макаровъ, я, мой адъютантъ подпоручикъ Николай Александровичъ Мундель, командиръ роты первого полка прапорщикъ Иванъ Трофимовичъ Зима, прапорщикъ Владимиръ Александровичъ (точно не увѣренъ, такъ ли его зовутъ) Мѣсянкинъ и въ отдѣльномъ маленькомъ купѣ помѣщался прапорщикъ Ефимовъ, съ которымъ никто не изъявлялъ желанія ѣхать вмѣстѣ; въ четвертомъ вагонѣ помѣщалась столовая, гдѣ обѣдала царская семья, кромѣ государыни и Алексѣя Николаевича, обѣдавшихъ вмѣстѣ въ купѣ государыни; въ трехъ, кажется, вагонахъ 3 класса ѣхали солдаты; кромѣ того, были еще багажные вагоны. ѣхали благополучно до Перми. Передъ самой станціей въ Перми нашъ поѣздъ остановился. Въ вагонъ, въ которомъ находился я, вошелъ какой-то человекъ, видимо, изъ какихъ-нибудь маленькихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, съ большой сѣдой бородой, и, назвавшись предсѣда-